АЛЕКСАНДР ЛАДОГИН

СЕРИЯ
«ЧЕЛОВЕК ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ»

КНИГА ВТОРАЯ

НЕПРИКАСАЕМЫХ НЕ БЫВАЕТ

Александр Ладогин

Неприкасаемых не бывает

«Автор»
2026

Ладогин А.

Неприкасаемых не бывает / А. Ладогин — «Автор», 2026

В сибирской тайге Глеб Шумилин спас шестерых молодых людей. Теперь они считают его своим. А он ещё не знает, насколько дорого обойдётся эта привязанность.Бывший спецназовец приезжает в Москву на обычный день рождения. Несколько дней среди друзей, семейный ужин, разговоры о будущем. Казалось бы, что может пойти не так?Но опасность не всегда приходит с оружием. Иногда она носит дорогой костюм, пожимает руку хозяину дома и знает о его семье гораздо больше, чем положено постороннему.Глеб привык видеть то, что другие упускают. За его плечами десятилетия службы, где ошибка могла стоить жизни. Однако на этот раз противостояние разворачивается по правилам, которых никто не объявлял. И под ударом оказываются люди, ради которых он готов пойти очень далеко.«Неприкасаемых не бывает» — остросюжетное продолжение романа «Не все вернутся». История о человеке, которого трудно обмануть, почти невозможно запугать и очень опасно заставлять выбирать между долгом и теми, кто ему дорог.

© Ладогин А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Три дня 5
Глава вторая. Второй день рождения 12
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Александр Ладогин
Неприкасаемых не бывает

Часть первая. Три дня
Глава первая. Снова вместе

На Ярославском вокзале Глеб Шумилин первым делом нашёл выходы с платформы – два в торце и один через подземный переход – и только потом взглянул на часы. Семь сорок. За спиной остывал поезд, от которого ещё тянуло угольным дымком титана; впереди лежала Москва, мокрая, серая и занятая собой. Рюкзак висел на правом плече: левое он берёг. Банку малинового варенья Глеб нёс в руке, как носят что-нибудь живое. Четыре дня она ехала стоя – так было велено – на столике между стаканом и стенкой, и на каждой стрелке он придерживал её ладонью. Крышка цела, стекло цело. «Перевозка груза – пять», – отметил он и убрал банку в боковой карман рюкзака. План на Москву умещался в три пункта: отдать банку, увидеть всех живыми и во вторник уехать.

В купе с ним ехала женщина с сыном лет шести. Мальчик два дня выяснял, почему у дяди одна рука поднимается, а другая нет, и почему взрослый человек не хочет рассказать, что с ней случилось. Глеб объяснил, что бывают вопросы, на которые трудно ответить, и бывают такие, после ответа на которые жалеет спросивший. Мальчик обдумывал разницу до самой Тюмени, а наутро молча уступил ему нижнюю полку. На перроне они расстались без телефонов и без обещаний, и Глебу это понравилось.

Нина Аркадьевна прислала три сообщения, одно и то же в трёх редакциях: доехал ли он, цела ли банка и не разбил ли он банку. Глеб ответил на все три словом «Цела» и уже потом сообразил, что о себе не написал ничего. Номер он снял у вокзала – узкий, на четыре ночи, с окном на пути. Кириллу, который сватал ему гостиницу «нормальную», ответил, что

нормальнее не бывает. Обратный билет, на вторник, на 23:40, лежал во внутреннем кармане распечатанным: Нина Аркадьевна не доверяла билетам, которые нельзя потрогать.

До вечера он ходил пешком и скоро обнаружил, что в Москве люди почти не смотрят друг другу в лицо. Взгляд здесь держали в телефоне, на табло, поверх плеча собеседника. Это было почти удобно: можно пересечь весь город, и никто не спросит, почему ты бережёшь руку. По старой привычке он дважды проверился – у витрины на Мясницкой, где стекло отражало тротуар за спиной, и на переходе, где оглянуться на светофор естественнее всего. Никого. Москве было не до него, и это оказалось почти обидно. У метро мужчина торговал хризантемами, укрывая вёдра полиэтиленом. Глеб купил небольшой букет и через десять шагов понял, что не знает, кому его отдать.

В кафе у Чистых прудов он пришёл на двадцать минут раньше и сел так, чтобы видеть дверь, – а поймал себя на этом, уже опустившись на стул. Обычное кафе: гирлянда над стойкой, мокрые зонты в ведре, запах корицы и сырой шерсти. Глеб пересел спиной ко входу, назло себе, и тут же нашёл дверь в тёмном окне: вечернее стекло отражало зал не хуже зеркала. Привычку не пересадишь. Он махнул на неё рукой и остался как сел. Меню здесь не водилось – на столе стоял пластиковый уголок с квадратным кодом. Телефон подумал и предложил оплатить парковку. Девушка с колечком в брови показала, куда нажимать, и Глеб мысленно провёл разбор занятия: «Меню – два. Официантка – четыре».

Соня пришла первой, слишком рано, с мокрыми волосами, хотя капюшон у неё был. Очки на ней были новые, в тонкой оправе, и она то и дело поправляла их костяшкой пальца, хотя они не сползали. Села на край стула и куртку не расстегнула – так садятся, когда ещё не решили, остаться ли.

— Я там в чате… – Она не договорила и начала заново: – Слишком много написала. Вы не обязаны были всё читать.

— Я прочёл.

— Все сорок сообщений?

— И три голосовых. Одно дважды: там шумел трамвай.

Соня улыбнулась краем губ. Глеб протянул ей свой телефон с квадратным кодом на экране и признался, что проиграл ему всухую. Через минуту Соня уже объясняла, где кнопка и почему чай здесь называется «авторским», а куртку расстегнула, сама того не заметив.

Голосование она тоже вспомнила. В сентябре Ника устроила в общем чате опрос: говорить проводнику «ты», потому что обращаться на «вы» к человеку, который тащил тебя через реку, – неуважение к реке. Пятеро были за, Соня против, Глеб воздержался. Итог Ника объявила салютом из трёх смайликов, а на другое утро сама же написала: «Глеб Сергеевич, вы живы?» Опрос так и висел в чате закреплённым, с пятью голосами «за», и Ника называла это сопротивлением материала.

Затем Соня спросила, сохранил ли он фотографии с маршрута. Он сохранил – и ни разу не открыл. Она поняла это раньше, чем он ответил, и заговорила об архиве: о фонде, в который никто не заглядывал с девяносто шестого года, и о начальнице, тоже новой, которая неделю выясняла, как оформить больничный человеку, успевшему отработать два дня. Глеб слушал и не перебивал. Пока человек говорит о бумагах, ему не надо говорить о реке.

Егор и Полина пришли вместе – Глеб видел в оконном стекле, как они идут от метро под одним зонтом, – а в дверь вошли порознь: Егор задержался стряхнуть зонт и пропустил её на три шага вперёд. У стола оба на секунду застряли: обниматься казалось слишком, жать руку – как на собрании. Полина протянула руку и шагнула вправо, чтобы он мог пожать её не поворачиваясь: она помнила, какое плечо. В тайге он видел её грязной, исцарапанной, с обветренными губами и хвостом, стянутым бечёвкой. Сейчас перед ним стояла молодая женщина в сером пальто; тёмные волосы лежали по плечам свободно, на них блестели капли, и лицо у неё было то самое, спокойное, какое бывает у людей, привыкших слушать. Глеб задержал на

ней взгляд на секунду дольше, чем следовало, и перевёл его на мокрый зонт в её руке. Полина, кажется, заметила. А может быть, и нет.

— Здравствуйте, Глеб Сергеевич, – сказала она так же, как говорила в августе.

Егор пожал руку осторожно, и Глеб почувствовал под пальцами гладкое пятно на его ладони – августовский ожог. Затем Егор хотел помочь Полине снять пальто, а она уже сняла сама; оба взялись за один стул и рассмеялись громче, чем стоило.

Ника вошла, придержав дверь плечом. Левая рука у неё от пальцев до локтя была в чёрном ортезе на липучках; после второй операции, октябрьской, она носила его поверх рукава, как часы. Перехватив взгляд Глеба, она подняла руку, как для присяги.

— Сухожилия. Хирург обещал, что к Новому году я буду открывать банки. Я ему говорю: зачем, для этого существуют мужчины. А он: это не медицинский довод. – Тут ей попался на глаза букет. – Глеб Сергеевич, вы кому-то назначили свидание и ошиблись дверью?

— Адресатов шесть, а букет один. Сдаюсь заранее.

Полина молча поставила хризантемы в стакан с водой, и вопрос решился. Даниил задержался на улице с телефоном и вошёл с тем лицом, с каким возвращаются после разговора, которого не хотели. На нём была белая вязаная шапка с красной полосой. Он поздоровался со всеми, на Нику так и не поднял глаз и сел в дальнем конце стола, в углу, спиной к стене. Глеб отметил это место: оттуда удобнее всего не участвовать.

Глеб достал банку. Егор осмотрел её с уважением и, не говоря ни слова, поставил на свободный стул: четыре дня ехала стоя, пусть посидит. Стол им накрыли на восемь – два квадратных, сдвинутых вместе. Подошла официантка, сосчитала куртки на вешалке и спросила, ждут ли ещё двоих.

— Одного, – сказала Ника. И, помедлив, добавила: – Восьмого не будет.

Стало тихо. Каждый, Глеб был в этом уверен, думал сейчас о своём: кто о Вадиме, кто о троих из кабины. Даниил – о троих, если судить по тому, как он разглядывал солонку. Имён никто не произнёс. Банку пересадили на стол, к хризантемам, официантка унесла лишний стул, и Ника заказала «всё, что не варят в котелке». Тишина понемногу сменилась разговором.

Говорили коротко, и у каждого было видно, где болит. Соня не снимала куртку с плеч, пока не согрелась. Егор рассказывал про КБ: телефон там сдают на входе, поэтому в чате он отвечал с опозданием на сутки и всегда по делу. Полина работала в центре помощи детям и о своих подопечных говорила тепло, а чашку держала обеими руками, хотя чай давно остыл. Ника днём писала тексты про йогурты, а по ночам вела колонки «не про тайгу» – так и называла их, без кавычек и без улыбки.

— А вы? – спросил Егор у Глеба.

— Пенсия за выслугу. Летом и осенью вожу группы. Этой осенью не водил. Зимой свободен.

— То есть вы безработный с удостоверением. – Ника произнесла это с удовольствием.

— С пенсионным.

Засмеялись с опозданием, все разом, и Глебу стало легче.

Кирилл пришёл последним, в половине восьмого, громкий, мокрый, с охапкой бумажных меню, которые выпросил у администратора: «Я не могу выбирать еду по штрихкоду, я же не склад». Шутка повисла. Кирилл прочёл это по лицам, сложил меню стопкой на край стола и сел. Привычным жестом отбросил со лба чёлку, которой больше не было: после тайги он стал стричься короче. Над бровью белел тонкий шрам. О себе он рассказал быстрее остальных: из консалтинга ушёл, по выходным ездит с поисковым отрядом, по будням работает младшим аналитиком у отца. «Временно», – прибавил он.

— И злится на всё, что раньше любил, – вполголоса сказала Полина Егору, пока Кирилл воевал с вешалкой.

Глеб услышал, но виду не подал. Полина сидела через стул от Кирилла и не отодвигалась. О том, что в сентябре они расстались, Глеб узнал из чата – не из слов, а из того, как эти двое перестали отвечать друг другу в одной ветке. Теперь между ними был пустой стул, и только. Он пересчитал всех. Шесть – и он. Губы шевельнулись сами. Ника это заметила и ничего не сказала, только подвинула ему корзинку с хлебом.

Минут через десять официант у соседнего стола зацепился ногой за ремень чьей-то сумки – Глеб увидел это в стекле за секунду до звона – и уронил поднос. Стекло ударило о плитку, вилки разлетелись под стулья. Полина резко обернулась. Кирилл перестал улыбаться сразу, как выключили. Егор взглянул на дверь, затем на окно и только после этого на осколки. Глеб узнал собственную привычку: в августе Егор две недели ходил за ним следом и, выходит, смотрел не только под ноги. Соня с Никой спорили о десерте и ничего не заметили.

— У них здесь посуда нервная, – заметил Даниил.

Кто-то засмеялся. Полина потянулась за стаканом воды и взяла его двумя пальцами за донышко, чтобы не было видно, как дрожит рука. Глеб не спросил, всё ли с ней в порядке. Ответ стоял перед ним на столе.

Первой заспорила Ника. Ей уже дважды звонили с одного канала и предлагали «эксклюзив выжившей».

— Я хочу написать. По-честному. Пока за нас не написали другие и не наврали.

— Это не твоя история, – возразила Полина. – Это наша. И Вадима.

Ника открыла рот и закрыла. Кирилл попробовал примирить обеих.

— Слушайте, нас это связало. Навсегда. Что бы дальше ни было.

— Я не хочу жить в сентябре, – отозвался Даниил. – Мне в ноябре проблем хватает. У меня подписка. За МКАД – только с разрешения следователя. Как школьник: отпросился – поехал.

Сказано было весело, но вилку он держал так, словно ею приходилось отбиваться. Ника встала, обошла стол и стукнула Даниила по шапке – по своей счастливой шапке, которую сама натянула ему на голову на вокзале в Нижнеудинске. Даниил поднял глаза. Впервые за вечер.

Кирилл всё это время терзал бумажную салфетку. Развернул, разгладил ладонью на столе, сложил пополам, затем ещё раз. Так складывают бумагу люди, которые собрались что-то сказать и не решили, с какого края начать. Глеб повернулся к Егору, который рассказывал, как в КБ ищут потерянный пропуск всем этажом, и слушал его внимательнее, чем того заслуживал пропуск.

— Подождите, – сказал Кирилл.

Разговор оборвался не сразу. Ника договорила фразу до конца, Соня повернулась к нему, Полина поставила чашку на блюдце.

— Я хотел сказать это ещё в сентябре. Несколько раз начинал писать в чат и стирал. – Он покосился на Глеба и сразу отвёл глаза. – Помните сухари?

Егор медленно откинулся на спинку стула. Улыбка ушла с его лица вся, целиком.

— Такое трудно забыть.

— Я знаю.

— Не уверен, – отрезал Егор.

Салфетка под пальцами Кирилла порвалась. Он не заметил.

— Я тогда сказал себе, что поступаю правильно. Что если найдут сами – накажут всех. Глеба Сергеевича в амбар, тебя в амбар. Что лучше я приду первым, и тогда никого не тронут. И я за это держался. Даже потом, уже в Нижнеудинске, думал: может, я и правда что-то предотвратил. – Он замолчал и заговорил тише: – А потом дошло. Я не знал, что они сделают с Глебом Сергеевичем. Про Егора вообще не думал. Я просто решил за всех. Будто имел право.

— Ты нас даже не спросил, – тихо заметила Полина.

— Нет. И не собирался. Мне дали ключ, назвали старшим, и мне показалось, что я лучше всех понимаю, как надо.

— Тебя поставили за нами смотреть, – проговорил Егор. – Не распоряжаться нами.

— Да. – Кирилл провёл ладонью по столу, сгребая клочки салфетки в кучку. – И самое поганое – я ведь понимал, зачем этот хлеб. Глеб Сергеевич свою пайку резал пополам каждое утро. Почти две недели. Ты по вечерам возился с половицей. Я всё это видел и молчал, а потом взял ключ и пошёл. Ты потом ночевал под навесом, на холоде, а я спал в доме. – Он повернулся к Егору. – Я даже не подумал, что подставляю тебя первым.

Егор потёр большим пальцем ожог на ладони.

— Я не прошу считать, что обошлось. Не обошлось. Просто повезло. Я хочу попросить прощения. У каждого. За то, что выдал. За то, что решил за вас, чем вам рисковать. И за то, что потом ещё оправдывался.

Тишина затянулась. За соседним столом попросили счёт. Официантка отнесла его туда, взглянула на их стол и обошла его стороной, ни о чём не спросив.

Первой отозвалась Соня. Она сняла очки и протёрла их краем салфетки, хотя они были чистые.

— Я тогда очень испугалась. Не за себя даже. Я считала эти сухари, пока они лежали на чурбаке посреди поляны. Сорок два ломтя. Шесть дней. – Она надела очки обратно. – Я рада, что ты это сказал. Правда. Я тебя прощаю.

Ника набрала воздуху, как перед нырком.

— Кирилл, я могла бы сейчас много чего наговорить. Заслуженно, с цитатами. Но ты хотя бы перестал изображать человека, который всё предусмотрел. Для начала неплохо. – Она протянула здоровую руку через стол и на миг сжала его запястье.

Даниил пожал плечами.

— Я тогда сам хорош был. Деньги предлагал. Это тебя не оправдывает, но… Ладно. Зла не держу.

Егор молчал дольше всех.

— Знаешь, что меня бесило? – спросил он наконец. – Не мешок этот. Ты потом глядел на нас так, словно мы сами виноваты, что не оценили твоей заботы.

Кирилл хотел ответить и удержался.

— Вот это было хуже. А за сухари… Ладно. Прощаю. Только больше никогда не решай за меня, чем я готов рисковать.

Полина сидела неподвижно. Кирилл поднял на неё глаза, и Глеб понял, что её ответа он боится больше остальных.

— Я тебя услышала, – ответила Полина. – И я рада, что ты смог сказать это вслух. Но мне нужно время.

Кирилл опустил голову и больше ничего не попросил.

Теперь все ждали Глеба. Он не торопился. Кофе в его чашке давно остыл и подёрнулся плёнкой. За соседним столом смеялись, звякали приборы, официантка принимала заказ, и здесь, в московском кафе с гирляндой над стойкой, всё, что случилось в августе, казалось почти неправдоподобным. Если бы не люди, сидевшие рядом. Глеб давал паузе дойти до конца: человеку, который только что выложил всё, нужно услышать тишину раньше, чем приговор, – иначе он примет за приговор что угодно.

— Я тебе одну вещь скажу, Кирилл, – произнёс он наконец. – Неприятную. Но раз уж начистоту, недоговаривать не стану.

Кирилл выпрямился.

— Я слушаю, Глеб Сергеевич.

— Ты помнишь, кто назначил тебя старшим над мужчинами?

— Конечно.

— А задумывался когда-нибудь, почему именно тебя?

Кирилл нахмурился.

— Наверное, я…

Он осёкся.

— Вот, – сказал Глеб. – Ты до сих пор подбираешь ответ, в котором выглядишь прилично. Давай зайдём с другой стороны. Тот человек много лет держал общину. Заставлял взрослых людей жить по правилам, которые никто в здравом уме сам на себя не наденет. Думаешь, у него это выходило оттого, что были амбар и ружьё? Нет. Он знал, кому пригрозить, кому пообещать, а кому достаточно дать власть над другими. – Глеб чуть подался вперёд. – С тобой он даже не ошибся.

Последнюю фразу он произнёс негромко, но за столом стало совсем тихо. Глеб смотрел не в глаза Кириллу, а на его руки: пальцы перестали сгребать клочки и замерли.

— Не меня, не Егора, не Даниила с его отцом-начальником. Тебя.

— Вы думаете, он заранее предвидел, что я приду с ключом?

— Нет. Мысли он читать не умел. Но он понимал, на что ты пойдёшь, если дать тебе немного власти и сказать, что теперь ты за всех отвечаешь. И оказался прав. Это моё мнение, Кирилл, не приговор. Но я его не поменяю.

Кирилл опустил глаза.

— Хлеб – это был запас дней на шесть для одного ходока, – продолжал Глеб. – Мало. Но о нём хозяева не знали. После того воскресенья его не стало, и нам пришлось искать другой путь, когда времени почти не оставалось. Ты помнишь, что ждало девушек?

Полина отвернулась к окну. Соня взялась за чашку обеими руками.

— Помню, – глухо ответил Кирилл.

— Ты не мог угадать, что будет с Егором и что будет со мной. Меня перевели в сени амбара, за стенку к Вадиму. Могли и в сам амбар. Ты не мог этого исключить – и всё равно пошёл.

Глеб замолчал, давая словам лечь. Кирилл не поднял головы.

— Я не буду разбирать, что тобой двигало. Это тебе самому понимать – и не сегодня вечером, а всерьёз.

— Я думал об этом.

— Подумай ещё. Только не о том, как поступил бы, если бы мог предвидеть последствия. Это слишком лёгкий вопрос. Подумай, почему он выбрал тебя. И что надо в себе поменять, чтобы в следующий раз такой человек ошибся.

Кирилл поднял глаза. Готовности спорить в них больше не было.

— Я понимаю.

— Надеюсь. Но есть и другое. – Глеб откинулся на спинку стула, и Кирилл, сам того не замечая, распрямился следом. – Сегодня ты сам об этом заговорил. Никто не заставлял. Мог промолчать, переждать, сделать вид, что всё в прошлом. Это я тоже вижу. Если научишься смотреть на себя так же внимательно, как тогда следил за другими, из тебя выйдет человек, которому доверяют.

Кирилл сглотнул.

— Глеб Сергеевич, я…

— Подожди, я не договорил. Я простил тебя ещё тогда. Не оттого, что забыл: просто не собирался таскать это за собой всю жизнь.

Он встал и протянул Кириллу руку. Правую.

— Давай считать, что разговор у нас был. И больше к нему не возвращаемся. Если только ты сам не дашь повода.

Кирилл тоже поднялся. Несколько секунд он разглядывал протянутую ладонь, словно не был уверен, что её протягивают ему. Затем пожал – крепко, двумя руками.

— Спасибо, Глеб Сергеевич.

— Не мне. Сделай так, чтобы тебе больше не пришлось просить прощения за такое.

Кирилл сел и к чашке не притронулся. Егор молча подвинул к нему тарелку с пирожками.

— Ешь. Остынут.

Кирилл поднял на него глаза и наконец слабо улыбнулся.

Глеб опустился на место. Полина встретилась с ним взглядом и не сразу отвела глаза – не удивлённо и не благодарно, а так, будто проверила что-то своё и сошлось. Глеб первым перевёл взгляд на остывшую чашку.

— А я всё-таки закажу горячий кофе, – сказал он и поднял руку, подзывая официантку. – Я четыре дня ехал, чтобы увидеть вас всех вместе, а мы сидим над холодным.

Ника первой потянулась к меню.

— Наконец-то разумное распоряжение. И заметьте: без всякого голосования.

К десяти Кирилл постучал ложкой по чашке.

— Завтра все ко мне. Днём. Торт, свечи, я угощаю. Мне двадцать четыре, а ощущение такое, будто родился второй раз. А вечером – к родителям. Это уже для Глеба Сергеевича, там скучно.

— Я в гостинице…

— Мама просила. Сама. Сказала: без него не приезжай.

Отказаться теперь значило обидеть Кирилла, и Глеб это понимал. Банка, по крайней мере, нашла адресата. Кирилл хотел добавить что-то ещё, но зазвонил телефон. Он взглянул на экран и вышел на улицу. Через стекло было видно, как он стоит под козырьком, говорит мало и слушает долго. Один раз он хлопнул ладонью по водосточной трубе – несильно, без замаха – и снова замер. Вернулся он с другим лицом.

— Ничего. Отец. Дела.

Никто его не спрашивал. Кирилл ответил сам, тремя словами, и все три были лишние. Ника хотела пошутить – Глеб видел, как у неё дрогнул уголок рта, – и передумала.

Чуть погодя, разливая по чашкам остатки чайника, Кирилл спросил через стол, будто между прочим, до какого числа у Глеба гостиница.

— До вторника.

— Включительно?

Глеб сказал, что включительно. Кирилл кивнул и у края стола, не глядя на руку, загнул четыре пальца – суббота, воскресенье, понедельник, вторник. Посмотрел на кулак, словно тот его обсчитал, и разжал.

Расходились в половине одиннадцатого. Глеб задержался у дверей, пропуская остальных, и считал, не заметив, что считает. Соня с папкой под локтем – к метро. Егор и Полина – снова под одним зонтом, на расстоянии ладони. Ника, прижав ортез к груди, ругалась с такси по телефону. Даниил натянул шапку на уши и ушёл не оглядываясь. Пять. Глеб сбился, начал снова и опять насчитал пять, пока не понял, что Кирилл всё ещё стоит в дверях кафе и смотрит в телефон, хотя экран давно погас. Шесть. Билет на вторник лежал во внутреннем кармане. Глеб не стал его доставать.

Глава вторая. Второй день рождения

Квартира Кирилла была на Фрунзенской, в новом доме у реки, с консьержем, который знал всех жильцов по именам, а Глеба пропустил только после звонка наверх. Глеб мысленно поставил ему пятёрку – первую за день. Внутри пахло пиццей из четырёх коробок и растворимым кофе. Посреди кухни стоял торт из кулинарии с кремовой надписью «24» и чуть кривыми розочками. Соня втыкала в него свечи, выравнивая ряд по черенку ножа, как по линейке, а Ника зажигала их спичками: коробок она зажала пальцами в ортезе и чиркала правой. «По-таёжному, – объявила она. – Зажигалка – для слабых». Над раковиной висел смеситель, который слушался телефона, но не слушался человека: вода из него шла то кипятком, то ледяная, то не шла вовсе, а приложение вежливо предлагало обновить прошивку.

Егор чинил его полчаса и за всё это время не проронил ни слова. Мультитул он принёс с собой, заранее уверенный, что у Кирилла не найдётся даже отвёртки, снял декоративную крышку, что-то отсоединил, что-то присоединил обратно, а приложение отключил совсем. Кирилл стоял рядом и подавал то, что просили, – молча, и это было на него не похоже.

— Если он опять заговорит, я отсюда съеду, – сказал Кирилл, когда вода пошла ровная и тёплая.

— Теперь он немой, – отозвался Егор, вытирая руки. – Я ему вынул голос.

Полина остановилась рядом с Глебом у окна. Внизу, за мокрой набережной, лежала свинцовая река, и по ней тянулась пустая баржа.

— Раньше он вызвал бы мастера и заплатил вдвое, лишь бы не стоять рядом, – произнесла она вполголоса. – Он впервые даёт кому-то сделать за себя.

Тост у Кирилла получился короткий. Он поднял стакан с соком, подержал его, глядя в стол, и сказал:

— За то, что нас семеро. Должно было быть больше.

Выпили молча. Даниил ушёл первым, около четырёх, когда остальные ещё делили торт. «Вы вечером за МКАД, а мне туда без разрешения следователя нельзя. Не хочу смотреть, как вы уезжаете». Ника вручила ему кусок торта в салфетке. Кирилл проводил его до лифта и

вернулся без шутки, хотя шутку явно готовил: Глеб видел, как он остановился на пороге кухни и проглотил её.

Рюкзак Глеб привёз с собой: Кирилл ещё утром предупредил, что из посёлка за полночь не уезжают. Номер у вокзала оставался за ним до вторника – запасной аэродром, за который уплачено вперёд.

* * *

К дому Ордынцевых они приехали в начале восьмого. Посёлок по Новорижскому шоссе начинался со шлагбаума и будки, где спрашивали фамилию, а продолжался забором, который выглядел не столько дорогим, сколько старательно непроницаемым. Охранник в будке переписал номер машины от руки, хотя тот светился у него на экране, – экрану здесь, похоже, доверяли не вполне. Камеры сидели на столбах парами и глядели на дорогу. У вторых ворот Кирилл ещё раз назвал себя в домофон и извинился перед Глебом за порядок въезда: отец сам считает его чрезмерным.

— Охрана неудобна, пока не понадобится, – заметил Глеб.

— Отец говорит почти то же самое. Только раздражённым тоном.

Внутри было тепло и пахло хлебом. Елена Ордынцева встретила спасителя сына без всякой торжественности: спросила, голоден ли он, и показала, куда повесить мокрую куртку. Этим вопросом она расположила Глеба сильнее, чем все благодарственные речи, которые он выслушал за два месяца. Банку Елена приняла двумя руками, повернула крышкой к свету, где химическим карандашом было что-то написано, но читать не стала: сказала, что откроет её утром, к завтраку, когда никого не будет. Глеб снимал куртку правой рукой и не сразу высвободил левую из рукава. Елена в это время отвернулась к вешалке и дала ему справиться самому.

Гостевая комната оказалась вдвое больше его иркутской комнаты. Выключателей в ней было больше, чем во всём доме Нины Аркадьевны. Глеб попробовал два. Один опустил шторы, другой зажёг подсветку где-то под потолком. Убедившись, что дом от этого не взлетел, остальные он оставил в покое. В ванной стояли три одинаковых флакона, различавшихся только мелкой надписью на итальянском. Он прочёл все три, ничего не понял и достал из рюкзака своё мыло.

В дверь постучала горничная, немолодая, в сером платье.

— Вам принести что-нибудь? Воду, чай, кофе?

— А из-под крана у вас пить можно?

— Конечно.

— Тогда я обеспечен.

Она окинула его внимательным взглядом – так оглядывают гостя, которому неизвестно, как угодить, – и ушла. Глеб решил, что в этом доме труднее всего будет убедить людей ничего для него не делать.

* * *

Гостей было человек четырнадцать. Андрей Павлович Ордынцев, крупный, грузный, с седым ёжиком и очками для чтения, сдвинутыми на лоб, в хорошем костюме без галстука, встречал каждого в дверях и каждого держал за плечо, пока говорил. «Решим», – доносилось до Глеба то справа, то слева. «Решим, Игорёк. Не бери в голову». Телефон хозяина лежал у прибора экраном вверх и время от времени загорался, и тогда Ордынцев на полсекунды выпадал из разговора, а возвращался в него громче, чем вышел. Елена, невысокая, сухая, с короткой стрижкой, в которой не прятала седины, сидела напротив мужа и следила не за гостями, а за его руками. Глеб это отметил: в доме был ещё один человек, который читает людей по рукам.

Рядом с Глебом посадили Эдуарда Семёновича Лунина, совладельца компании и крёстного Кирилла: высокого, худого, сутулого, с мягкой седой бородкой, в роговых очках и в кардигане под пиджаком. Лунин сразу взял над гостем шефство. Когда принесли закуски, он наклонился и показал на ряд вилок:

— С краю к середине, Глеб Сергеевич. Festina lente. Я в девяносто третьем на первом своём банкете начал с десертной ложки и меня потом два года звали Кутузовым.

— За что?

— За то, что отступал с потерями, но сохранил армию. – Лунин улыбнулся. – А котлету по-киевски я в тот вечер так и не взял. Она отбилась.

Затем он рассказывал, как Кирилл в пять лет сбежал с собственного дня рождения в гараж и уснул в машине водителя, а весь посёлок два часа искал его с фонарями. Рассказывал с таким удовольствием, что мальчик из истории казался почти его собственным. Тарелка перед Луниным весь вечер оставалась полной. Он то и дело трогал большим пальцем заусеницу на другом большом пальце, обгрызенную до крови, и это было единственное в нём, что не вязалось с удовольствием.

— Диета, Глеб Сергеевич, – пояснил он, перехватив взгляд. – Возраст.

Объяснение пришло раньше вопроса, а вопроса Глеб не задавал. Так отвечают те, кто ждёт, что спросят, и ответ держат наготове. Диета не обгрызает палец до крови. Глеб сделал лицо человека, которого это устроило, и отложил тарелку, заусеницу и готовый ответ на одну полку: крёстный хозяйского сына на дне рождения этого сына – не тот человек, у которого спрашивают, отчего ему не до еды.

Он сидел в единственном своём пиджаке среди людей, которые разговаривали суммами. Суммы были круглые и произносились легко, как названия городов. Трижды за вечер его спросили, как там, в тайге, – и только на эти вопросы он мог бы ответить по существу. Отвечал он коротко, и разговор с облегчением возвращался к ставкам рефинансирования. Под столом к нему пришёл палевый лабрадор, обнюхал ботинки, решил что-то про себя и лёг на них всей тяжестью. «Бублик, – сказала Елена через стол. – Он вас выбрал. Это не обсуждается».

Горецкий приехал позже остальных, к горячему, – подтянутый, загорелый в ноябре, с часами на тонком ремешке. Он не шумел: поздоровался с Еленой, поцеловал ей руку, поздравил Кирилла, несколько минут говорил о пробках на Новой Риге. За ним вошёл молодой человек с кожаной папкой, а следом третий – из тех, кого в толпе не замечаешь, пока не начнёшь искать: среднего роста, плотный, с аккуратной сединой, в тёмном свитере, с лицом, которое забываешь, пока на него смотришь. Запомнилось другое – рука. На тыльной стороне правой кисти у него белел старый ожог, гладкий, как вощёная бумага. Его никому не представили, и сам он ни с кем не заговорил. Сел в конце стола, спиной к стене, откуда видны и дверь в холл, и стеклянная дверь на террасу, – Глеб выбрал бы то же место. К вину не притронулся, ел мало и аккуратно, как едят на работе. Один раз их взгляды встретились над свечами. Третий не отвёл глаз и не задержал их, а перевёл дальше, на соседа Глеба, как переворачивают страницу, которую уже прочли.

С появлением Горецкого в столовой переменилось распределение внимания. Андрей Павлович стал вслушиваться в каждое его слово. Лунин, до того свободно переходивший от одного собеседника к другому, перебрался поближе к хозяину и больше от него не отходил. Глеб отметил и это: за столом, где все говорили о деньгах, человек, о деньгах не сказавший ни слова, оказался главным.

Горецкий был самым обаятельным человеком в комнате. Он помнил, у кого из гостей дочь поступила в Лондон, и спрашивал о дочери, а не о Лондоне. Над Глебом он пошутил первым и лучше всех:

— Глеб Сергеевич, а из переговоров вы тоже выводите? У меня есть партнёры, которых давно пора эвакуировать.

Засмеялись все. Ордынцев – громче всех и дольше, чем требовала шутка, и всё это время крутил на пальце обручальное кольцо. Горецкий поднял бокал за спасателя и не допил. Глеб заметил, что он не допивает ни одного бокала: пригубит и поставит, и официант, подливая, ни

разу не добавил больше чем на палец. Так пьют люди, которым к концу вечера надо помнить всё, что сказано за столом.

Позже, когда подали кофе, Горецкий сам подошёл к Глебу – без бокала, с чашкой, которую держал за блюдце, как держат люди, выросшие не в ресторанах.

— Я вам должен извинение за шутку, – произнёс он вполголоса. – Над спасателями смеются те, кого ни разу не спасали. Меня в девяносто восьмом вытаскивали из-подо льда на Ладоге, и я до сих пор не знаю фамилии того мужика. Даже бутылку отдать некому.

Он говорил просто, без нажима, и рассказ тянул к себе – Глеб почувствовал эту тягу и отдал ей должное, как отдают должное чистой работе. Приём был старый: расскажи о себе то, чего не проверить, и собеседник откроется в ответ. Неприятнее было другое – история вполне могла оказаться правдой, и тогда приёмом её делало только то, когда и кому её рассказали. Горецкий спросил не про вертолёт и не про отшельника, а про то, что ели шестеро на седьмой день, и выслушал ответ так, как слушают ответ на настоящий вопрос. Глеб нарочно назвал день, когда их вывезли, на сутки позже настоящего – проверка, которой его учили для разговоров с незнакомыми. Горецкий не поправил. Либо не знал, либо знал достаточно, чтобы не показывать, что знает. Второй вариант Глебу не понравился, и он отложил его, не решая.

Горецкий перевёл взгляд через комнату на Кирилла, который стоял с соком у камина.

— Он изменился, правда? – Горецкий отпил из чашки. – Андрей этого пока не видит. Отцы всегда замечают последними.

Глеб согласился, что изменился, и ничего к этому не прибавил. Счёт он вёл с первой фразы: о нём самом Горецкий не спросил ни разу. О шестерых – один раз, о Кирилле – дважды, и второй раз о том, что видит и чего не видит отец. Так спрашивают не о человеке, а о рычаге: где у него слабина и кто её заметит. Зачем Горецкому этот рычаг, по одному разговору у камина было не сказать. О Кирилле в этот вечер спрашивали многие, но остальные спрашивали у Кирилла.

После горячего Глеб по привычке отнёс свою тарелку на кухню. Повар, молодой, с бородкой, принял её так, будто ему вручили оскорбление. На кухне шёл спор: повар доказывал горничной, что праздничный торт нельзя выносить без серебряной подставки, а подставку кто-то увёз в химчистку вместе со скатертями. Горничная отвечала, что гости вряд ли откажутся от торта из-за отсутствия возвышения. Глеб предложил обычное большое блюдо. Оба взглянули на него как на человека, не понимающего правил дома, и через минуту принялись искать блюдо побольше.

У окна в гостиной, куда гости перешли с кофе, беседовали двое: худая женщина в зелёном – кто-то назвал её женой банкира – и седой инженер с тростью. Глеб оказался рядом не по своей воле: лабрадор пошёл за ним и улёгся именно там, поперёк дороги.

— Ланской же купил северный комбинат, – сказала женщина.

— Лучше бы насосы взял, – отозвался инженер. – У моей домработницы мать там в посёлке живёт. Весной подвалы по колено.

Андрей Павлович, проходя мимо с бутылкой, положил инженеру руку на плечо.

— Иван Кузьмич, ты мне обещал рассказать про щуку. Про ту, на двенадцать кило.

Инженер оживился, и разговор ушёл на рыбалку. Чем насосы лучше комбината, Глеб судить не брался: в насосах он разбирался как в итальянских флаконах. Видел он другое: хозяин остановился здесь не ради бокалов – бутылка у него в руке была полная, а пустые бокалы у окна он так и не наполнил.

* * *

Кирилл встал с бокалом, когда гости вернулись к столу за тортом. Тост он сочинял весь вечер и в машине проговаривал его про себя, пока Глеб молчал рядом. Начал он хорошо: поблагодарил мать и отца, пошутил про двадцать четыре года, из которых один месяц можно не

считать, потому что он провёл его без интернета. Засмеялись. Затем он заговорил о Сибири и почувствовал, что слова идут не те.

— Я раньше думал, что знаю, сколько может пройти человек. А там… там был один человек, который нёс…

Он остановился. Дальше надо было сказать, кто кого нёс и сколько дней, а сказать это за столом, между тортом и кофе, оказалось невозможно. Гости ждали с вежливыми лицами. В консалтинге это называлось «потерять зал»; там из такого выходили следующим слайдом, а здесь слайдов не было. Кирилл поднял бокал выше и выпил. Мать встала и ушла на кухню. Отец глядел не на сына – на Горецкого, словно проверял, как тот принял тост. Кирилл понял, что это не его праздник. Это вечер отца, а он на нём – повод.

Он сел. И первое, что услышал, – отец вполголоса, наклонившись к Горецкому:

— После вторника.

Горецкий кивнул так незаметно, что Кирилл не был уверен, кивнул ли он вообще. Какой вторник? Кирилл решил, что ослышался: за столом говорили сразу о трёх вещах, кто-то смеялся, официант звякнул ложкой о блюдо.

Мать он нашёл на кухне, у дальнего окна. Повар и горничная, увидев его, вышли. Елена стояла спиной к двери, лицом к тёмному саду. Кирилл встал рядом. Он хотел извиниться за тост и не знал, за что именно, поэтому взял с полки чашку и налил себе чаю, которого не хотел.

— Мам, я замечаю, когда вы оба делаете вид, что ничего не происходит.

Елена не обернулась. Он поймал в стекле её отражение и понял, что она скажет правду и что правды будет мало.

— Я знаю не всё. А того, что знаю, недостаточно, чтобы объяснить тебе честно.

Больше она ничего не сказала, и он не спросил. Она забрала у него чашку, вылила чай, которого он не хотел, и налила свежего, с мятой, как в детстве, когда он болел. Они постояли у окна вдвоём. Кирилл провёл пальцем по шраму над бровью – привычка, от которой мать отучала его с сентября, – и в этот раз она не сделала замечания.

* * *

Около полуночи гости начали расходиться. Глеб ждал у лестницы с лабрадором, который считал своим долгом проводить его наверх. Через открытую дверь гостиной он видел, как Горецкий взял Ордынцева под локоть – легко, по-дружески, как берут человека, которого собираются показать кому-то в соседней комнате. Молодой человек с папкой пошёл следом. Третий, в тёмном свитере, пропустил всех на террасу и прикрыл за ними стеклянную дверь не оглядываясь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.